
Стивен Бакстер
Нападение на Венеру

Нападение на Венеру
Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Нападение на Венеру

Аннотация

К нашей планете приближается инопланетный космический корабль. Человечество с тревогой ожидает этой встречи. Мир разделился во мнениях, чем обернется для нас контакт с внеземным разумом, но тут выясняется, что конечной точкой маршрута корабля пришельцев является вовсе не Земля…

Стивен Бакстер
Нападение на Венеру

По мне, так вся эта эпопея с пришельцами прежде всего касалась Эдит Блэк. Ибо из всех, кого я знал, именно ей было сложнее всего ее принять.

Когда новость стала достоянием общественности, я выехал из Лондона, чтобы навестить Эдит в ее сельской церкви. Ради этого мне пришлось отменить десяток встреч, включая и встречу в кабинете премьер-министра, но, едва выйдя из машины под моросящий сентябрьский дождь, я понял, что правильно сделал.

Эдит, одетая в комбинезон и резиновые сапоги, возилась около церкви и орудовала устрашающим на вид шахтерским отбойным молотком. Но, судя по горящему огоньку радиоприемника, она слушала какое-то обсуждение в эфире, а в здании, куда не попадал дождь, виднелся широкоэкранный телевизор и ноутбук. Оба показывали новости — в основном свежие прогнозы относительно конечной точки траектории движения пришельцев, а также сделанные в открытом космосе новые снимки их «судна», если можно так назвать огромную глыбу льда, похожую на ядро кометы и испускавшую инфракрасное излучение очень сложной структуры. Даже здесь, в эссекской глуши, Эдит оставалась в гуще событий.

Она подошла ко мне с усмешкой, сдвинув защитные очки на каску:

— Тоби.

Поцелуй в щеку и короткое объятие; от нее пахло машинным маслом. Мы общались запросто. Пятнадцать лет назад, на последнем курсе колледжа, у нас был недолгий роман, завершившийся с какой-то печальной неловкостью — очень по-английски, как говорили американские друзья, — но это оказалось только небольшой заминкой в наших отношениях.

— Рада тебя видеть, хоть и удивлена. Думала, все ваши гражданские службы будут по уши заняты всякими срочными совещаниями.

Я уже десять лет работал в министерстве экологии.

— Нет, но старина Торп, мой министр, уже двадцать четыре часа безвылазно сидит на сессии КОБРА[1]. Хорошо, что хоть кто-то этим занимается.

— Должна сказать, обывателю невдомек, что проку от министра экологии, когда приближаются инопланетяне.

---

[1] Примечания: 1

COBRA (КОБРА), Cabinet Office Briefing Room A, Комната «А» заседаний кабинета министров — чрезвычайный правительственный комитет, который собирается лишь в экстренных случаях.

— Ну, среди вариантов развития событий рассматривается возможность атаки из космоса. По большей части все, что мы можем себе представить, напоминает природные катастрофы: падение метеорита сравнимо с цунами, затмение солнца — с крупным извержением вулкана. И вот Торп увяз во всей этой каше, вкупе со здравоохранением, энергоснабжением, транспортом. Конечно, мы на связи с другими правительствами, с НАТО, с ООН. Но сейчас главный вопрос: подавать сигнал или нет?

Она нахмурилась:

— А почему нет?

— Безопасность. Не забывай, Эдит, мы абсолютно ничего не знаем о тех ребятах. Что, если наш сигнал воспримут как угрозу? К тому же есть и тактические соображения. Любой сигнал подарит потенциальному врагу информацию о наших технических возможностях. К тому же выдаст сам факт того, что нам известно об их присутствии.

— «Тактические соображения», — передразнила она. — Параноидальный бред! Держу пари, что все дети с любительскими радиоприемниками уже ждут этих инопланетян с распростертыми объятиями. Да вся планета шлет сигналы!

— Так и есть, ничего не поделаешь. Тем не

менее любой сигнал, отправленный правительством или государственными службами, — это совершенно иное.

— Да ладно тебе! Неужели ты вправду думаешь, что кто-то пересечет Вселенную, чтобы просто навредить нам? Да и что такое им нужно, чем можно оправдать затраты на межзвездную экспедицию?..

Ну вот мы и спорим. А ведь я только пять минут назад вылез из машины.

Этот разговор был похож на один из тех, что мы вели давным-давно по ночам в колледже, то в ее, то в моей постели. Эдит всегда тяготела к обобщениям — «к широкому контексту», как она говорила. Хотя мы оба начинали как студенты-математики, Эдит вскоре напиталась своеобразной интеллектуальной атмосферой колледжа и перешла к изучению более древних, чем наука, путей познания — исследованию вечных вопросов, не имеющих ответов. Есть ли Бог? А если есть (или нет), то в чем смысл нашего существования? Почему мы или вообще что-либо существуем? На последних курсах она начала дополнительно изучать теологию, но вскоре перегорела и осталась неудовлетворенной. Также ее отталкивали агрессивно-нигилистические

представления современных атеистов. Поэтому по окончании колледжа Эдит в поисках ответов начала собственное исследование длиной в жизнь. И вот теперь, возможно, некоторые из этих ответов прибыли из космоса в поисках нее.

Вот почему мне захотелось сейчас сюда приехать. Нужна была широта ее взглядов.

В рассеянном дневном свете я видел тонкую сетку морщинок вокруг губ, которые когда-то целовал, и седые пряди в рыжих волосах. Я не сомневался, что Эдит подозревает (и правильно), что я знаю больше, чем говорю, — и больше, чем стало достоянием общественности. Но выпытывать пока не стала.

— Пойдем, покажу, чем я занимаюсь, — сказала она, внезапно прекратив спорить. — Только смотри под ноги.

Мы прошли по грязной траве к главной двери. В основе древней церкви Святого Катберта находилась башня времен англосаксов; остальная часть здания — норманнская, но в викторианскую эпоху тут провели основательную реставрацию. Внутри было красиво, но холодно, каменные стены отзывались эхом. Церковь принадлежала англиканам и все еще действовала, но в этой малонаселенной сельской местности ее объ-

единили в один приход с другими церквями, а потому использовалась она редко.

Эдит никогда не причисляла себя к представителям ни одной из официальных религий, но позаимствовала кое-что из их «оснащения», как она любила выражаться. Здесь она собрала группу добровольцев-единомышлен- ников, таких же беспокойных душ, как она. Вместе они трудились над сохранением церковного здания, а Эдит руководила ими в освоении странного сплава молитв, медитаций, обсуждений, йогических практик — всего, что, по ее мнению, могло дать результат. Она настаивала, что именно этот способ использовался во всех религиях, пока монотеистические представления не взяли верх. «Единственный путь постижения Бога или той сферы за пределами нашего понимания, где он должен быть, — усердная работа, помощь ближним и напряжение возможностей собственного разума до его крайних пределов. А потом нужно немного выйти за них и просто слушать». От логоса к мифу. Эдит никогда не успокаивалась, она постоянно пробовала что-то новое. Но в чем-то она была самым счастливым человеком из всех, кого я знал, — по крайней мере, до той поры пока не стало известно о пришельцах. Правда, сейчас

ее не устраивало состояние фундамента церкви. Она показала мне, что местами подняла плиты и обнаружила под ними раскисшую землю.

— Мы роем новые дренажные каналы, но это адова работа. Может, в итоге проще будет переделать фундамент. Самый нижний уровень, похоже, дерево — толстенные сваи саксонского дуба… — Она внимательно поглядела на меня. — А ведь церковь стояла здесь тысячу лет, и прежде ей ничто не угрожало. Изменения климата, да?

Я пожал плечами:

— Полагаю, ты думаешь, что идиоты в министерстве экологии должны заниматься проблемами вроде этой, вместо того чтобы готовиться к галактической войне.

— Пожалуй. А еще развитые существа готовились бы к благоприятному развитию событий. Только подумай. Тоб! В Солнечной системе сейчас находятся существа умнее нас. Наверняка так, иначе они не прилетели бы сюда, верно? Они где-то между нами и ангелами. Кто знает, что они могут нам сообщить? Какая у них наука, искусство, теология?

Я нахмурился:

— Но чего они хотят? Потому что с этого момента имеют значение именно их планы, не наши.

— Ну вот, у тебя опять паранойя, — сказала она, но уже не так безапелляционно. — Как поживают Мэрил и дети?

— Мэрил дома. Марк и Софи в школе. — Я пожал плечами. — Живем как обычно.

— Некоторые люди сейчас сходят с ума. Опустошают супермаркеты.

— Некоторые люди всегда так делают. Мы же хотим, чтобы все шло своим чередом, насколько возможно, и так долго, как возможно. Ты же знаешь, Эдит, современное общество высокоорганизованно, но не слишком выносливо. Топливная забастовка нас парализует в недельный срок, не говоря уже о вторжении пришельцев.

Она заправила под каску выбившиеся волосы и с подозрением посмотрела на меня:

— Но ты при этом выглядишь очень спокойным. Тебе что-то известно, не так ли, негодяй?

Я усмехнулся:

— А ты хорошо знаешь меня.

— Выкладывай.

— Две вещи. Во-первых, мы перехватили сигналы. Или, вернее сказать, утечки в эфире. Ты же знаешь о той инфракрасной ерунде, испускаемой ядром, которую мы некоторое время регистрировали. Теперь мы зафиксировали шум

в радиоэфире, слабый, структурированный и очень сложный. Скорее внутренний канал, чем послания, предназначенные для нас. Но если мы из этого что-то извлечем…

— Да, захватывающе. А что во-вторых? Не томи, Миллер.

— У нас есть более точные данные об их траектории. Вся информация скоро будет обнародована — хотя, возможно, уже и просочилась.

— Ну?

— Пришельцы действительно направляются вглубь Солнечной системы. Но не к нам, не на Землю.

Она нахмурилась:

— А куда же?

— На Венеру, — выложил я главный козырь. — Они летят на Венеру, Эдит.

Она поглядела в затянутое облаками небо, на тот его яркий участок, где пряталось Солнце и внутренние планеты.

— Венера? Это ж чертова дыра, покрытая тучами. Что им там нужно?

— Понятия не имею.

— Что ж, я привыкла жить с вопросами, на которые никогда не смогу ответить. Давай надеяться, что это не один из них. А пока займемся

чем- нибудь полезным. — Она оглядела мой помятый деловой костюм, туфли из лакированной кожи, уже испачканные грязью. — Ты можешь задержаться? Хочешь помочь мне с дренажем? У меня есть еще один комбинезон, он тебе подойдет, наверное.

Так, разговаривая и рассуждая, мы обошли всю церковь.

* * *

Акция, которую Эдит организовала в Гунхилли, стала поводом для семейного визита в Корнуолл.

Мы проехали по извилистому шоссе, спускающемуся по западному хребту Корнуоллского полуострова, и остановились в небольшом отеле в Хелстоне. Симпатичный маленький городок был украшен перед ежегодным праздником Фурри Дэнс, древним необычным карнавалом, во время которого местные дети пляшут между домами на холмистых улочках. На следующее утро Мэрил планировала отвезти детей на пляж дальше по побережью.

Ясным майским утром я на арендованной машине отправился по шоссе к юго-западу, прямиком к Гунхилли Даунс. Все время, что ехал, я наблюдал за Венерой, встающей на востоке и

четко видимой в зеркале заднего вида, — она походила на лампу, не терявшую яркости по мере того, как разгорался день.

Гунхилли — равнинная полоса на возвышенности, обдуваемая всеми ветрами. Местечко известно благодаря тому, что здесь находилась самая большая телеспутниковая станция в мире — через Телстар она впервые в мире приняла трансатлантический телесигнал в прямом эфире. Станция уже много лет не использовалась, но самая старая тарелка, параболическая тысячетонная чаша, названная «Артур» в честь короля, имела статус памятника и потому охранялась. Вот почему Эдит и ее команда «общенцев» смогли воспользоваться ею, когда им, точнее ей, надоело терпеть бездействие правительства. В соответствии с официальной политикой я должен был помочь ей утрясти все формальности по согласованию, но кулуарно.

Едва увидев на горизонте сохранившиеся тарелки, я уткнулся в полицейский кордон — наскоро поставленное пластиковое заграждение, за которое не пропускали поющих «Крикунов» и религиозные группы, протестующие против контакта «общенцев» с Сатаной. Я проехал, показав министерский пропуск.

Эдит ждала меня в старом центре для посетителей, который в это утро открыли для завтрака: кофе, хлопья и тосты. Ее добровольцы мыли грязные тарелки под большим настенным экраном, на котором шла прямая трансляция с космического телескопа — лучшие из доступных сейчас изображений, хотя все крупные космические агентства готовили исследовательские ракеты для отправки на Венеру, а НАСА уже даже запустило одну. Ядро пришельцев (казалось нелепым называть глыбу грязного льда «кораблем», несмотря на то что это был именно он) виделось сверкающей звездочкой, слишком маленькой для того, чтобы разглядеть, что она имеет форму диска, вращающегося по широкой орбите над полумесяцем Венеры. На темной стороне планеты ясно различалось Пятно[2], странное загадочное свечение в облаках, точно соответствующее орбите пришельцев. Удивительно было лицезреть эту космическую хореографию, а потом поворачиваться на восток и смотреть на Венеру невооруженным глазом.

А добровольцы из команды Эдит, несколько десятков простодушных мужчин, женщин и детей,

[2] Примечания: 2

Пятно — загадочное яркое пятно, обнаруженное на Венере астрономом-любителем Франком Мелилье.

похожих на зрителей, собравшихся на сельский праздник, имели дерзость считать, что смогут общаться с теми богоподобными существами в небе.

Раздался жуткий металлический скрежет. Обернувшись, мы увидели, что «Артур» стал поворачиваться на бетонном основании. Добровольцы оживились, и началось общее движение к этому памятнику технической мысли.

Эдит шагала со мной, держа в руках с надетыми на них перчатками без пальцев пластиковый стаканчик чая.

— Я рада, что ты смог приехать. Надо было и детей привезти. Многие местные из Хелстона тут; считают, что происходящее станет эффектной частью праздника Фурри Дэнс. Ты видел приготовления в городе? Собираются отмечать победу святого Михаила над Сатаной — интересно, насколько уместной окажется эта символика. Во всяком случае, день обещает быть веселым. Позже начнутся шотландские танцы.

— Мэрил решила, что безопаснее отвезти детей на пляж. На случай, если тут что-то пойдет не так — ну, сама понимаешь. — Почти правда. Дело заключалось еще и в том, что Мэрил не испытывала удовольствия находиться в одной компании

с моей бывшей.

— Может, это и разумно. Наши британские «Крикуны» — ребята безобидные, но в менее спокойных регионах с ними проблемы. — Не очень организованное международное объединение разнообразных групп называлось «Крикуны» по какой-то нелепости, потому что как раз ратовало за молчание; они считали, что «вопить в лесу», посылая пришельцам или венерианцам сигналы, означало безответственно подвергать себя риску. Но, разумеется, они ничего не могли поделать с теми низкоуровневыми передачами, что направлялись на пришельцев уже почти год, с тех пор как стало известно об их появлении. Эдит махнула рукой в сторону «Артура»:

— Будь я из «Крикунов», сегодня стояла бы здесь. Пожалуй, это будет самое мощное сообщение с Британских островов.

Я просмотрел и прослушал послание Эдит вчерне. В нем, вместе с рядом первых положительных простых чисел в стиле Карла Сагана[3], были оцифрованные музыкальные записи от

[3] Примечания: 3

Ряд из первых положительных простых чисел сменяет выступление Адольфа Гитлера на открытии Олимпийских игр 1936 года — это содержимое послания внеземной цивилизации, принятого землянами в романе Карла Сагана «Контакт».

Баха до песен зулусов, живопись от наскальных рисунков до Уорхола и «образы человечества», от смеющихся детей до космонавтов на Луне. Даже изображение улыбающихся нагих мужчины и женщины с пластинки, укрепленной на борту старой станции «Пионер» в семидесятые. По крайней мере, цинично решил я, эта сентиментальная лабуда обеспечит хоть какую-то альтернативу картинам войны, убийств, голода, чумы и других бедствий, которые пришельцы, вне всякого сомнения, уже собрали, если хотели.

Я сказал:

— Мне кажется, им это просто не интересно. Ни пришельцам, ни венерианцам. Прости за ложку дегтя.

— Я так понимаю, криптолингвисты не продвинулись с расшифровкой сигналов?

— Мы полагаем, это все же не сигналы, а утечки из внутреннего канала связи. В обоих случаях — и с ядром, и с Пятном. — Я потер глаза — устал, проведя весь предыдущий день за рулем. — В случае с ядром, похоже, какие-то органические химические процессы способствуют созданию мощных магнитных полей, и пришельцы, видимо, роятся в них. Боюсь, мы не особо представляем, что там происходит внутри. На данный момент мы

больше продвинулись с изучением биосферы Венеры…

Если появление пришельцев всех изумило, то обнаружение разумной жизни на Венере, абсолютно неожиданное, просто повергло в замешательство. Ведь никто не ожидал, что облака на Венере расступятся в точности под орбитой ядра пришельцев — словно многокилометровую атмосферу прорезал гигантский шторм, — и никто не ожидал, что Пятно откроется и по краям его будет вихриться туман, волнующе переливающийся таинственными огнями, похожими на организованные разряды молний.

— Если обратиться к результатам старых космических проб, то. очевидно, уже тогда можно было предполагать, что на Венере что-то есть — жизнь, пусть и не разумная. В них во всех много неясного и слишком большое количество сложных веществ. Мы полагаем, венерианцы живут очень далеко от горячей поверхности планеты, в облаках, где температура достаточно низка для существования воды в жидком виде. Они потребляют угарный газ и выделяют сернистые соединения, используя солнечный ультрафиолет.

— И они разумные.

— О да. — Астрономы, записывая сигналы, исходящие из ядра пришельцев, стали улавливать сложные структуры также и в венерианском Пятне. — Ведь можно сказать, насколько мудрено организовано сообщение, даже если ничего не знаешь о его содержании. Определяется степень упорядоченности, которая служит мерой корреляции, и полученные фрагменты накладываются на различные размерности, выделенные в передаче…

— Ты сам хоть что-то понял из того, что сейчас сказал?

Я улыбнулся:

— Ни слова. Но вот что я знаю точно. Исходя из структуры данных, венерианцы умнее нас настолько, насколько мы умнее шимпанзе. А пришельцы еще умнее.

Эдит подняла голову к небу и посмотрела на яркую Венеру:

— Но ты говоришь, ученые до сих пор считают, что все эти сигналы просто… Как ты это назвал?

— Утечки. Пришельцы и венерианцы не обращаются к нам, Эдит. Они даже друг к другу не обращаются. То, что мы наблюдаем, в обоих случаях нечто вроде внутреннего диалога. Двое разговаривают сами с собой, а не друг с другом.

Один теоретик сообщил премьер-министру, что, возможно, оба этих сообщества больше похожи на пчелиный рой, чем на человеческие общности.

— Рой? — Она встревожилась. — Но рой совсем другой. У него может быть цель, но нет сознания, как у нас. Он не конечен, в отличие от нас, его границы размыты. Рой практически бессмертен; индивидуумы умирают, но рой продолжает жить.

— Тогда интересно, на что похожа их теология.

Как странно. Эти инопланетяне не подходят ни под одну из ожидаемых нами категорий или хотя бы в чем-то общую с нами. Не смертные, не идущие на контакт — и мы им безразличны. Чего же они хотят? Чего они могут хотеть? — Она никогда не разговаривала таким тоном. Голос ее звучал недоуменно, хотя обычно, столкнувшись с открытым вопросом, она радовалась.

Я попробовал ободрить ее:

— Вполне возможно, твое сообщение вызовет какие-то ответы.

Эдит взглянула на наручные часы и снова перевела взгляд на Венеру:

— Так, осталось только пять минут до… — Внезапно ее глаза расширились, и она замолчала.

Я повернулся туда, куда она смотрела, — на восток.

Венера пылала. Огонь колебался, как на затухающей свече.

Люди реагировали по-разному: кто-то кричал, показывал пальцем, кто-то, как я, просто уставился в небо, замерев на месте. Я не мог пошевелиться. Я чувствовал глубокий, благоговейный страх. Потом многие закричали, показывая на большой экран в центре для посетителей, куда космические телескопы передавали очень странные, казалось, изображения.

Эдит вцепилась в мою руку. А я обрадовался, что не взял с собой детей.

Людские крики становились злее, раздался звук полицейской сирены, и запахло горелым.

* * *

Закончив давать показания в полиции, я вернулся в отель в Хелстоне. Мерил сердилась, но вздохнула с облегчением, что я возвратился; дети были растеряны и немного испуганы. Мне трудом верилось, что после всего случившегося: странных событий на Венере, драк «Крикунов» с «общенцами», поджога, ранения Эдит, разгона людей полицейскими — не было еще и одинна-

дцати утра.

В этот же день я отвез семью назад в Лондон и вернулся на работу. А через три дня после происшествия снова уехал, взял министерскую машину с водителем и велел отвезти меня обратно в Корнуолл.

Эдит уже выписали из интенсивной терапии, но еще держали в больнице Труро. Перед ней стоял телевизор с выключенным экраном. Я осторожно поцеловал ее в необожженную щеку и сел, протянув книги, газеты и цветы:

— Подумал, может, тебе скучно.

— Ты никогда не умел общаться с больными, да, Тоб?

— Извини. — Я раскрыл одну из газет. — Но есть хорошие новости: поджигателей поймали.

Она проворчала, с трудом приоткрывая перекошенный рот:

— И что с того? Какая разница, кто это был? «Общенцы» и «Крикуны» по всему миру готовы друг другу глотки перегрызть. И те и другие хороши… Но зачем было так буйствовать? Они же даже «Артура» сломали.

— А ведь он внесен в список памятников II степени!

Она засмеялась, о чем тут же пожалела, скри-

вившись от боли:

— Хотя почему бы вообще не разнести тут все до основания? Ведь их там, наверху, похоже, только это и интересует. Пришельцы напали на Венеру, венерианцы нанесли ответный удар. Мы все видели в прямом эфире по телевидению — не что иное, как Война Миров. — В ее голосе звучало разочарование. — Те существа превосходят нас, Тоби. Это подтверждает анализ их сигналов. Но все же они не пошли дальше войн и разрушений.

— Но мы столько узнали. — У меня с собой был небольшой портфель, я его открыл, вынул распечатки и разложил перед ней на кровати. — Изображения на мониторе лучше, конечно, но ты же знаешь порядки — мне бы не позволили использовать здесь ноутбук или телефон… Смотри, Эдит. Это было невероятно. Нападение пришельцев на Венеру длилось несколько часов. Их оружие, какова бы ни была его природа, прожгло Пятно и атмосферу в несколько раз более плотную, чем земная, до самой поверхности. Мы даже ее видели…

— А сейчас она сожжена до шлака.

— По большей части… Но потом производители кислоты из облаков ответили им. Нам кажется,

мы знаем, что они сделали.

Это ее заинтересовало:

— Откуда же?

— Просто повезло. Та исследовательская ракета НАСА, отправленная к Венере, случайно оказалась на пути… Ракета зарегистрировала поток электромагнитного излучения, идущий от планеты.

— Сигнал, — выдохнула Эдит. — Куда?

— В сторону от Солнца. А потом, восемь часов спустя, она уловила другой сигнал, идущий в обратную сторону. Я сказал «уловила». Но на самом деле ее болтало, как пробку в пруду. Мы думаем, это была гравитационная волна — очень мощная и четко направленная.

— И когда волна достигла ядра пришельцев…

— Ну ты же видела изображения. Последние фрагменты сгорели в атмосфере Венеры.

Эдит откинулась на гору подушек.

— Восемь часов, — задумчиво сказала она. — Гравитационные волны распространяются со скоростью света. Четыре часа туда, четыре часа обратно… Земля находится примерно в восьми световых минутах от Солнца. Что у нас в четырех световых часах от Венеры? Юпитер, Сатурн…

— Нептун. Нептун был в четырех световых

часах.

— Был?

— Нет его, Эдит. Почти все исчезло — луны еще здесь и куски льда и породы из ядра, но они постепенно рассеиваются. Венерианцы использовали планету, чтобы создать гравитационно-волновой импульс…

— Они использовали ее. И ты это говоришь, чтобы меня подбодрить? Газовый гигант, громадная доля общего запаса энергии и массы всей Солнечной системы, которым запросто пожертвовали ради единственного военного удара? — Она саркастически засмеялась. — О боже!

— Конечно, мы не представляем, как они сделали это. — Я отложил фотографии. — Если раньше мы боялись пришельцев, то сейчас мы просто в ужасе от венерианцев. Ракета НАСА немедленно прекратила работу. Мы не хотим, чтобы хоть какие-то наши действия могли быть восприняты как угроза… Ты знаешь, я слышал, как сама премьер-министр спрашивала, почему эта космическая война вспыхнула сейчас, когда люди спокойно сидят на Земле и ничего не предпринимают.

Эдит тряхнула головой и снова поморщилась от боли:

— Пустое тщеславие. Все происшествие не имело к нам никакого отношения. Неужели не понимаешь? Если это случилось сейчас, наверняка уже было не раз и не два. Кто знает, сколько в прошлом исчезло планет, использованных в качестве оружия в забытых войнах? Может, все, что мы сейчас видим: планеты, звезды и галактики, — только остатки ужасных столкновений такого масштаба, что мы даже вообразить не можем. А мы просто сорняки, растущие у обочины. Так и передай премьер-министру. А я-то думала спросить у них об их богах! Ну и дура я — потратить на эти вопросы всю жизнь, а ответы — вот они… Ну и дура! — Она заводилась все сильнее.

— Не волнуйся так, Эдит…

— Ой, уйди. Я буду в норме. Это Вселенная сломалась, а не я. — И она отвернулась, словно собиралась спать.

* * *

В следующий раз, когда я увидел Эдит, она уже выписалась из больницы и вернулась в свою церковь.

Этот сентябрьский день походил на тот, когда я впервые встретился с ней после появления пришельцев, но сейчас хоть дождя не было. Ветер

дул холодный, и мне казалось, он должен успокаивать ее обожженную кожу. Эдит нашлась на том же месте, рыла землю перед церковью.

— Равноденствие, — сказала она, — скоро будет дождь. Нужно закончить ремонт до очередного потопа. И предупреждая твой вопрос: доктора меня отпустили. Повреждено только лицо, все остальное в порядке.

— Я и не собирался спрашивать.

— Ну, ладно. Как Мэрил, дети?

— Хорошо. Мэрил на работе, ребята вернулись в школу. Жизнь продолжается.

— Думаю, так и должно быть. Чего еще ждать? И кстати — нет.

— Что — «нет»?

— Нет. не пойду я работать в этот ваш «мозговой центр» при министерстве.

— Хотя бы обдумай предложение. Ты бы идеально подошла. Слушай, мы все пытаемся понять, что случится дальше. Прибытие пришельцев, война на Венере — это было как религиозное откровение. Как его описывают. Откровение, которое видело все человечество по ТВ. Внезапно наше представление о вселенной полностью изменилось. И теперь необходимо понять, куда двигаться дальше, во всех сферах: политике, нау-

ке, экономике, развитии общества, религии.

— Я скажу тебе, что будет дальше. Безысходность. Религии потерпели крах.

— Это не так.

— Ладно. Теология потерпела крах. Философия. Большинство переключили канал и уже обо всем забыли, но те, у кого есть хоть капля воображения, знают… В каком-то смысле это был последний шаг, конец того процесса, который начали Коперник и Дарвин. Теперь нам известно, что во вселенной есть существа с гораздо более высоким уровнем интеллекта, чем тот, которого мы когда-либо сможем достичь, и мы знаем, что им на нас плевать. Равнодушие — вот настоящий убийца, ты так не считаешь? Все наше тщетное беспокойство о том, нападут они или нет, и нужно ли подавать сигнал… А они просто взяли и уничтожили друг друга. Если выше нас стоит это, что можно сделать, кроме как отвернуться?

— Но ты же не отворачиваешься?

Эдит оперлась на лопату.

— Я не религиозна; я не в счет. А мои прихожане отвернулись, и вот я тут одна. — Она посмотрела на чистое небо. — Может быть, одиночество — ключ ко всему. Изоляция в галактике обусловлена огромным расстоянием между звездами и

пределом скорости света. Когда вид эволюционирует, он может достигать кратковременного периода развития индивидуальности, технологических достижений, открытий. Но потом, когда вселенная ничего не дает тебе взамен, ты замыкаешься на себе и погружаешься в мягкие объятия эусоциальности — роя.

— Но что дальше? Как это скажется на массовом сознании хотя бы? Может, пришельцы потому и начали войну — просто пришли в ярость, случайно узнав, что они не одни во вселенной.

— Большинство комментаторов считает, что из-за ресурсов. В конце концов, наши войны в основном ведутся из-за них.

— Да. Горькая правда. Вся жизнь основана на разрушении другой жизни, даже в огромных масштабах пространства и времени… Наши предки поняли это еще в ледниковый период и стали поклоняться животным, которых убивали. И пришельцы, и венерианцы — они были настолько выше нас… Но, может, мы в лучших наших проявлениях, в моральном смысле превосходим их.

Я коснулся ее руки:

— Поэтому ты и нужна нам. Из-за твоих прозрений. Надвигается буря, Эдит. Думаю, надо работать вместе, если мы надеемся ее пережить.

Она нахмурилась:

— Что за буря?.. Ах да. Нептун.

— Ага. Нельзя уничтожить целый мир без последствий. Орбиты планет неустойчивы, астероидов и комет тоже, а еще сиротливые луны кружатся сами по себе. Беспорядочные остатки крушения уже проникают во внутреннюю часть Солнечной системы.

— И если будет столкновение…

Я пожал плечами:

— Надо будет помогать друг другу. Больше никто нам не поможет, это уж точно. Слушай, Эдит, возможно, венерианцы и пришельцы — обычное явление для других цивилизаций. Но кто сказал, что мы должны быть такими же, как они? Может, мы найдем кого-то более похожего на нас. А если нет, что ж, будем первыми. Искрой света, которая воспламенит вселенную.

Она глубоко задумалась.

— Ну, тогда с чего-то надо начать. Как с этим дренажем.

— Вот, другой разговор!

— Ладно, черт с тобой, пойду в ваш «мозговой центр». Но сначала поможешь мне закончить осушение фундамента, согласен, городской житель?

Итак, я надел комбинезон и рабочие ботинки,

и мы рыли канаву в сырой, липкой земле, пока у нас не заболели спины, а свет дня равноденствия медленно не померк.